

Лето, зима...

Предисловие

Предупреждая возможные вопросы и подозрения, замечу, что перед вами не автобиографическое повествование. Даже в мемуарной литературе много вымысла, а это всего лишь сочинение. «Но ведь что-то взято из жизни?» – спросите вы. Наверное, только вот не скажу, что, так как и сам точно уже не помню.

Все имена, фамилии, а также некоторые временные соотношения между событиями я подбирал так, чтобы трудно было усмотреть какие-либо намеки, на реально живших или живущих в настоящее время людей. Но я старался быть искренним, а иначе не стоит и писать.

Подожди немного,

Отдохнешь и ты.

М.Ю. Лермонотов

It is impossible to love and be wise.

Francis Bacon

– Чем же все это окончится?– Будет апрель.

– Будет апрель, вы уверены?– Да, я уверен.

Я уже слышал, и слух этот мною проверен,

Будто бы в роще сегодня звенела свирель.

Юрий Левитанский

I.

Помнишь то жаркое лето? Какой год тогда шел? Ах, да 1989-й. Дождь прошел числа 15-ого мая, а затем ни капли. Как мы тогда это пекло выносили. Такого сроду не бывало в наших краях. Я ведь вырос здесь...

Ах, как мы, дети, ждали лета! Все разговоры были о том, как будем ходить на речку, купаться, рыбачить. Некоторые, правда, начинали купаться еще в начале мая. Пробовал и я. Вода ледяная. Окунешься разок, другой в обжигающе-ледяную купель и бегом на берег. Только костром и спасались. Быстро сбрасывали мокрые трусы, выжимали, а затем сушили на огне. Иногда трусы подгорали, и это давало повод смеху и долгим пересудам. И, ведь не простывали на удивление. Но зато, какой предлог похвастать в школе! На перемене покуривая на заднем дворе, небрежно сплюнув, как бы невзначай бросишь: «Ездили вчера купаться на бабку¹, водичка заебись!». Тушишь сигарету о доску забора и так, не торопясь, вразвалочку, отправляешься на урок, не обращая внимания, что звонок уже прозвенел, и чтобы не опоздать, надо драть со всех ног. И только на лестнице вспоминаешь, что будет урок истории, которую преподает завуч, что простым замечанием не отделаешься, так как табачищем, от тебя за километр несет. Но зато, уважение какое! И на следующей перемене авторитетный второгодник Генка подмигнет и похлопает по плечу. «Закуривай» – и протянет пачку кубинских, коричневых. Дорогие были эти сигареты, дай бог памяти, копеек пятьдесят стоили. Продавались в табачном магазине на углу, где потом музей был, а теперь здание пустует. Да, сейчас там скверик разбит, а наискосок был гарнизонный штаб.

Нет давно уже Генки. Года через три после ухода из школы на исходе весны, когда пахнет прохладой и зацветет сирень в любимой им Заканаве², он повесится у себя в бане от несчастливой любви.

Но вот наступало долгожданное лето. Предел мечтаний каждого мальчишки. А какое оно длинное было! Сейчас годы быстрее бегут. Сколько планов роилось в наших головах перед началом каникул: речка, лес, интересные книжки, фильмы.

¹ Место на реке, за мелководье, называемое в народе «бабьей лужей» или просто «бабкой».

² Заканав – район города, издавна славящийся лихими людьми.

С детства полюбил смотреть фильмы. Но, чтобы в кино попасть, нужны были деньги. У нас дома мелочь на кухонном столе под клеенкой лежала, на уголке. И вот я тихонько прокрадываюсь к столу, со стороны входной двери (летом она у нас весь день стояла открытой), заглядываю направо в комнату, где бабушка свои тетрадки читает. В тетрадках у нее молитвы были записаны, крупными печатными буквами. Даже не знаю, она ли это все писала. После смерти бабушки тетради пропали. Так вот в свободное время бабушка садилась на диван и медленно по складам вслух читала молитвы. Кажется, не все она в этих молитвах понимала. Впрочем, я-то, что в этом смысле, хоть и крещеный. А бабушка с детства впитала в себя церковные устои и не умом, а сердцем читала она эти строки в разлинованной ученической тетрадке. И вот я подкрадываюсь к столу, и приподнимаю клеенку, моля бога, чтобы бабушка не прерывала свое общение с ним и, чтобы под клеенкой было много мелочи. Много, чтобы отсутствие десятичка³ не заметили. Иногда, правда, двадцать пять копеек требовалось, если сеанс был на восемь утра или двенадцать дня. Конечно, я и так денег мог попросить, да только иной раз хотелось два-три раза в день сходить в кино и вот столько денег могли не дать.

Помню свои ощущения, когда после фильма из кинотеатра выходил. Будто в другой жизни побывал. Такое сладкое щемящее желание вернуться и вновь окунуться в эту необычную увлекательную жизнь, с сильными духом мужчинами, прекрасными соблазнительными женщинами, шикарными машинами и неуловимыми бандитами, захватывало меня, что я иногда тут же покупал билет на следующий сеанс, не желая расстаться с этим овладевшим мной состоянием. И сейчас иногда это чувство охватывает меня, да только вот куда возвращаться, не знаю. Именно с тех времен я и полюбил Францию, ее культуру, ее музыку, ее кино⁴...

А сколько других развлечений было? Всего сейчас и не упомянешь. Догонялки на велосипедах. Каково? Прямо по улицам, по тротуарам, по газонам. Пока взрослые не начнут ругаться или

³ Монета в 10 копеек. На нее можно было сходить в кино на детский сеанс или два раза проехать на автобусе.

⁴ Да простят меня представители моего поколения, но от французского шансона я всегда «балдел» больше, чем от песен Beatles.

вдали не замаячит устрашающая фигура в милицейской фуражке. В нашем районе ремонтировали несколько двухэтажных деревянных домов, и мы устраивали догонялки в этих домах, удирая друг от друга по лестницам и временным лесам. Кажется никто из моих друзей не получил тогда серьезной травмы, за исключением Женьки, который, однажды, во время такой игры, проткнул ногу ржавым гвоздем и потом неделю весело и хвастливо хромал перед нами.

А походы в инструментальный цех? Громадное здание цеха уже несколько лет стояло заброшенным. Сейчас в нем какой-то техникум располагается, а тогда это огромное здание пустовало. А какие в нем большие и темные подвалы были! Мы отправлялись туда в поисках разных мелких металлических деталей, которые не понятно, зачем нам были нужны. А еще приключений. Туда лазили мальчишки со всего города, и можно было легко нарваться на конфликт. Однажды мы оказались в ловушке. За нами погнались большие парни. Хорошо, что с нами был тогда Серега Баранов, он был старше меня на год и единственный из нашей компании не растерялся. Повел нас какими-то закоулками и лестницами на второй этаж, а затем в подвал. Просидев некоторое время в подвале, мы вышли с другой стороны двора, бегом пересекли открытое пространство и быстро подкатились под закрытые всегда, массивные железные ворота. Огромный кирпич ударился со всего маху в створку ворот, но мы были уже в безопасности...

Где сейчас Серега? Кажется, ездит на заработки в Москву, а недавно купил собственный автомобиль. Последний раз видел его года три назад на похоронах Вани, также моего друга детства, который, был тогда вместе с нами в подвалах инструментального цеха.

А уж на речку купаться – это святое. На велосипедах или пешком, с накаченными камерами от автомобилей мы уходили на целый день, возвращались к вечеру голодные и счастливые. Но лета стояли дождливыми. Июнь да июль – дней по десять выдавалось солнечной жаркой погоды, а в августе уже и не купались почти. Но мы все равно пропадали на реке. Помнишь пляж возле старого моста?

– Какого моста?

Да ты забыл. Деревянный мост на правый берег, возле собора. Но тогда в соборе краеведческий музей размещался, а потом его перенесли туда, где табачный магазин был.

- Ты что-то путаешь.

Да ничего я не путаю. А по другую сторону пляжа еще баня располагалась. Она и сейчас работает. Знаешь? Ну вот.

Мост сторел в начале 80-х. Возле моста прямо в воде на почерневших и скользких от влаги столбах стояли такие высокие деревянные сооружения, уголком. Сужающаяся часть этих сооружений была направлена против течения. Их называли «ледоколами». Это чтобы лед весной колотить – слишком большие льдины могли повредить деревянные опоры моста. Мы часто заплывали на эти ледаколы и ныряли оттуда в зеленовато-темную страшноватую воду.

Там вот и располагался городской пляж. Народу набиралось много, особенно в жаркие дни. Загорали, играли в карты, пили портвейн или что покрепче, купались. Рядом располагалась лодочная станция.

Нам же, мальчишкам было любопытно за полуголыми тетеньками наблюдать. Интерес уже проявился. Как вспомнишь, что вытворяли! Однажды, значит, парочку «застукали». Он уже на пляже свою спутницу обнимал, а потом смотрим, к реке направились и поплыли напрямиком к острову, который сплошь был кустарником покрыт. Мы бегом через мост на тот же остров. Пробрались тихонько, только вот весь спектакль Женька испортил. Он вдруг как заорет, ну мы сразу пустились наутек. Ваня его потом долго ругал. Говорит: «Он ее уже почти совсем раздел, по груди гладил, а тут ты орешь!».

Вечерами собирались на веранде во дворе, где Иван жил. Курили, играли в карты, винишком баловались. Иногда появлялись умельцы играть на гитаре и петь. И тогда вечер превращался в маленький импровизированный концерт. Репертуар в основном носил полублатной характер. Песня «Дорогая мама», услышанная во дворе почти сорок лет назад, до сих пор вышибает у меня слезы⁵. Именно во дворе впервые я услышал голос

⁵ «Здравствуй мать, сестреночка Галинка, шлю я вам свой пламенный привет. Расскажу, какая жизнь малина, дорогая мама, где я прожил больше пяти лет...

... Лишь весной зацветут бурьяны, дорогая мама, да земля с звездой поговорит».

Владимира Высоцкого и песни из репертуара Аркадия Северного. Временами в нашу компанию приходили личности легендарные, отсидевшие сроки. Мы слушали их рассказы, разинув рты. Не далеко от Женьки жил такой «бывалый». Ах, как он на гитаре играл! Я таких переборов больше никогда не слышал. Другой раз и взрослые мужики бегали к нему и просили поиграть. Однажды я встретил его в центре города. Он был пьян в стельку. Его поддерживали (почти несли на руках) двое мужиков. Но у него была гитара, и играл он, словно был трезв как стеклышко.

Постарше ребята уже на танцы похаживали. А мы в кино, особенно, если фильм для взрослых шел. Билет купить было не так уж и сложно, можно было кого-нибудь из взрослых попросить, а иногда и так давали. Если кассир, не хотела продавать, то обычно говорили, что не себе берем. А вот пройти мимо контролера – тут надо постараться было. Строгие пожилые тетки могли просто, не спрашивая завернуть обратно. Ну, во-первых, одеться надо было, так чтобы за взрослого приняли, а во-вторых, вести себя свободно, раскованно, будто прийти вечером на фильм для взрослых – это для тебя, как «здрасьте» сказать. Как-то пробрались мы так на фильм «Ночи Кабирии». Весь фильм сидели и ждали, когда, наконец, голых женщин покажут. Так и не дождались. Ваня потом плевался: «Фильм то почему до шестнадцати⁶, даже грудь не показали?». Поцелуями удивить нас было уже не возможно. Печатная и «непечатная» продукция, повествующая о тайнах взаимоотношений между мужчинами и женщинами, порнографические фотографии и картинки передавалась из рук в руки, вызывая у нас ощущения тайны и любопытства.

Да, кровь бурлила в нас. Мы уже мечтали о женщинах, хотели их любить, иметь с ними близость, обладать ими, познавать их. Мы торопили время, но все это пришло в свой срок и кроме радости принесло нам разноцветную гамму других неведомых нам в детстве чувств.

Ты знаешь, вспоминаю детство и не могу понять, отчего те или иные поступки нами совершались. Как-то мы с Витькой Глотовым наблюдали, как в детский сад, что располагался рядом с Ванькиным домом, молоко привезли. Помнишь, в каких

⁶ На афишах некоторых фильмов в те времена можно было увидеть надпись: «Дети до 16 лет не допускаются».

бутылках молоко и кефир продавали? С крышечками такими блестящими разноцветными. Они очень легко снимались – в начале, большим пальцем надавишь, а потом уже и с боку подцепить можно. Так мы с Серегой хватать по две бутылки в руки и наутек. Зачем нам это молоко понадобилось, до сих пор понять не могу. Выпили по бутылке, а больше и не лезет – пришлось выбрасывать.

С этим же Витькой мы как-то купили бутылку плодово-ягодного вина за девяносто две копейки⁷. Это вино почему-то продавали не в гастрономах, а в овощных магазинах и коопторгах. Ходили разговоры, что его гнали из гнилых яблок. Наши с Витькой планы были такие: немного «поддав» отправиться в кино, а потом в горсад на танцы. Зайдя в какой-то подвал, и не имея с собой стакана, мы решили пить прямо из горлышка. Однако запах и вкус вина были столь отвратительны, что нас стошнило прямо на пол. Ощущение тошноты у меня не уходило, потом целую неделю. Странно, что и сейчас, когда я вспоминаю этот случай, неприятный сладковатый комочек подступает к горлу.

Я встал и отошел от компьютера к окну. Стоял душный жаркий июльский вечер. Солнце почти скрылось за крышей соседнего дома. Во дворе громко шумели дети. Также кричали они и десять и двадцать лет назад. Также кричали они в моем детстве и в то душное, странное и счастливое лето.

II.

Шел 1989-й год. Коммунисты все еще пытались демонстрировать, что контролируют ситуацию. Но время было уже упущено, и затянувшееся ожидание нависло над страной. Это странное ожидание будущего страны и своего собственного будущего перемешивалось в душах людей, создавая атмосферу неуверенности и отложенного счастья. Приближалось падение берлинской стены, а вместе с ней и всего социалистического мира, в котором мы родились и выросли.

Помнишь, тогда жара началась в конце мая, а в институте начались экзамены. И на улице и в помещении было невыносимо душно. Я с семьей жил тогда в общежитии. Окна выходили на

⁷ Такое вино в народе называлось «гамырой».

запад, и вечером в комнатах стояло пекло. Но прошел июнь и наступил долгожданный отпуск. Жена уехала к родителям, и я остался совсем один. У меня был предлог. Я и еще двое преподавателей затеяли не большое дело, подработку другими словами.

- Халтуру?

Да, так тогда говорили. Мы взялись провести маленькое социологическое исследование на одном из предприятий города. Дело не было уж таким хлопотным, но зной изнурял. Мы с моим приятелем бегали по заводу раздавали и собирали анкеты, отдавали третьему нашему компаньону, который в свою очередь подрядил какого-то студента из новосибирского университета, чтобы обрабатывать эти анкеты.

Но я забежал вперед, а точнее заговорил не о том. Начиналось все гораздо раньше...

Я вышел из общежития и направился в сторону института. Была поздняя осень, клены, окружающие общежитие наполовину облетели. Моросил дождик, и ветер бросал холодную водяную пыль в лицо. Я поежился и тут же увидел ее. Она шла навстречу по узкой асфальтовой дорожке. Не большого роста, на первый взгляд ни чем не примечательная женщина, но глаза. Да нет, не цвет и не размер. Ну, как это тебе объяснить. Я как будто в свои глаза заглянул, но обнаружил в них что-то такое, чего я раньше в них не видел. Ее глаза, словно одновременно грустили и улыбались⁸. Она тоже посмотрела на меня и, как мне показалось, с интересом. Мы разошлись и, торопясь спастись от пронизывающего ветра, я быстро зашагал в сторону института.

В тот момент я еще не знал кто это. Но тут вечером на кухне (кухня была одна на восемь комнат) слышу разговор женщин-соседей, обсуждают, какую-то женщину. Жена нашего преподавателя, она вернулась из Москвы после аспирантуры. Преподавателя звали Петр Николаевич. Его я знал мельком, ну так, поздороваемся при встрече, да парой слов перекинемся. Мой сын с его Гришкой играл. В институте говорили, что они с женой в фактическом разводе, но пока проживают вместе, что-

⁸ Я долго не понимал потаенный смысл фразы «грустить и улыбаться». Улыбаться значит радоваться настоящему моменту, грустить – значит понимать, что все закончится. В общем «saudade», как говорят португальцы.

бы квартиру получить. Странно, но я сразу понял, что это была она, та женщина, которую я встретил, и глаза которой меня так задели.

- Это было чувством с первого взгляда?

Даже не знаю, что ответить. Наверное, какая-то искорка от нее ко мне в ту первую встречу пробежала. Я не думал тогда об этом. Было какое-то неосознанное ожидание.

Приближался новый 1989 год. Наш недавно избранный на общем собрании ректор, стремясь показать себя кондовым демократом, решил устроить новогодний вечер, так чтобы все свободно общались друг с другом – ректор, проректора, преподаватели, сотрудники. Вечер устроили в институтской столовой. Большая разукрашенная елка красовалась в центре зала. Все сидели за столиками, выпивали, поздравляли друг друга, танцевали. От каждого факультета были подготовлены номера. И вот чудо, от факультета русского языка и литературы выступают три женщины и среди них ОНА. А поют такую задорную народную песенку. Ну, помнишь, в ней есть такие слова: «Раз, два, люблю тебя, люблю тебя. Отчего ж ты, не нарядная». А голос у нее! Нет, не вокал. Тембр, какие-то оттенки, ну вот показалось мне, будто она только для меня пела.

Мы потом стали часто друг другу на глаза попадаться. Нет, ничего намеренного в этом поначалу не было, просто жили в одном здании, а работали в другом. И каждый раз я смотрел на нее, и она смотрела на меня. Я был ее выше. И получалось так: я как бы надвигался на нее, глядя сверху вниз, а она поднимала глаза ко мне. Нет не так, она вскидывала глаза, и в этот момент вспыхивал огонек, мне казалось, что в ее глазах, но я так думаю и в моих тоже. Такой электрический разряд пробегал. Но мы не разговаривали. Только раз мне пришлось к ним домой прийти. Дело в том, что мой сын повздорил с их Гришкой, и я пошел разбираться. Открыла она. Но я вдруг растерялся и спросил Петра Николаевича. Дальнейшее я как-то смутно помню. Я услышал ее голос. Поверь мне, передать, что это был за голос, я не могу. Может быть, только для меня этот голос так звучал, не знаю. Сколько слов она сказала? Мы поздоровались, я спросил Петра Николаевича, она громко позвала «Петя!», и все. Но это всю мою душу всколыхнуло. Это чувство ожидания, которое было запрячено где-то глубоко в душе, вдруг выглянуло на секунду, словно солнце

из-за туч и, осветив все вокруг, снова пропало, оставив, однако, сильное желание снова его испытать.

Как ты думаешь, что говорит себе мужчина, когда стремится к какой-то женщине?

- Да, черт его знает.

Наверное, он говорит себе: «Я хочу ее!», или «Она будет моей!», или «Я обязательно трахну ее!», а может быть «Я люблю ее». Но возможно и ничего не говорит - все равно, наш язык плохо отражает суть дела. Это влечение трудно передать словами. Оно может оставаться на одном уровне, может усиливаться или ослабевать. Но все это не просто выразить обычным языком. Я не знаю, может быть существует язык, на котором эти тонкие знаки влечения могут быть выражены лучше, яснее, чем в русском языке. А может быть, я просто плохо владею этим инструментом. Но я постараюсь объяснить тебе это состояние.

ОНА все больше и больше овладевала мой сознанием. Получалось так, что через каждую минуту я вспоминал ее. Но процесс шел дальше. Ноги сами несли меня в те места, где я надеялся ее встретить. Я мог часами снова и снова проходить один и тот же маршрут, в надежде увидеть ее. Этот процесс захватывал меня. Но дальше этого я пока не шел. Я даже не продумывал своих действий. В таких случаях часто сопротивляешься чувству, точнее сопротивляешься тому, что может случиться в будущем. Но всегда имеются и хитрые уловки, вроде тех, что вот, мол, я ведь ничего и не предпринимаю. «Да» - говорит голос разума, - «но ведь ты передвигаешься так, чтобы встретить ее». «Ну и что» - отвечает другой голос, - «что же здесь такого? Может быть, я лет десять так и буду передвигаться». И так далее и все в том же роде. Но все это обман, обман очень изощренный. Потому что уже начинает работать механизм с другой стороны. Уже и та половина начинает стремиться увидеться с тобой, может быть, еще более не осознанно, тоже оправдывая свои поступки. И тут начинает действовать «магия». Магия с точки зрения одной стороны, или каждой из сторон в отдельности. Заходишь, например, в магазин и вдруг встречаешь ее. Ну, разве это не чудо, ведь только что о ней подумал!? «Как же» - скажет голос разума, - «ты ведь теперь все время о ней думаешь». Но голос разума тогда уже перестает иметь власть над тобой. Он остается только некоторым фиговым листком, прикрывающим то

место, где должно было бы располагаться рациональное мышление, т.е. мозги. А все остальное уже давно не прикрито и подчиняется этому волшебному и удивительному чувству, называемому «влечением между мужчиной и женщиной». Но приходит время, когда и фиговый листок исчезает.

И вот тут я должен сделать перерыв, потому, что, не слишком ли я далеко зашел. Во всяком случае, надо остановиться, чтобы передохнуть, а то у меня дыхание перехватило.

- Да, история!

На улице темнело. Я вышел из дому. На скамейке у подъезда смеялась молодежь. Было тепло, только легкий ветерок шелестел в листьях деревьев. Пройдя дворами, я вышел в квартал, сплошь застроенный блочными домами. Да, а вот этого дома тогда не было.

III.

- Ну, а что дальше было?

Дальше? Знаешь, я пока не готов рассказывать тебе всю эту историю. Точнее самого главного, того, что приключилось со мной тем памятным летом. Конечно, если посмотреть со стороны, это банальная любовная история, адюльтер, каких тысячи. Но мне хочется, чтобы ты понял, как важно, чтобы в жизни человека были такие истории. Возможно это одна из составляющих того, что называется человеком.

- Ладно. Думаешь, я ничего в этом не смыслю?

Года через два после тех событий, о которых я тебе рассказываю, я был на дне рождения моего друга Михаила Ефимовича Могилевского. Светлая ему память! Он умер вскоре после событий августа 1991 года. Ну, путч, и так далее. Ты ведь знал его?

- Да не так, чтобы очень.

Человек это был (и я ни сколько не преувеличиваю) выдающийся. Мозг его работал просто потрясающим образом. Он постоянно о чем-то размышлял и решал не повседневные задачи, а глобальные проблемы. Он мог остановить тебя на улице и начать излагать тебе теорию, которую он только что придумал,

о взаимоотношениях между людьми, о власти, о боге и т.п. Людей со столь оригинальным мышлением, я более не встречал. Ни что не могло победить его мозг, даже алкоголь. Вообще-то он был физиком, астрономом. Физическую задачу он мог разложить так, что она становилась понятной без всяких уравнений. Это особый дар. Ты понимаешь, что я об этом могу судить не понаслышке. Знаешь мою первую специальность?

- Знаю.

В тот вечер на дне рождения мы засиделись. Пили много. Был с нами еще Сергей Иванович. Тогда мы на одной кафедре работали. Ты знаешь его. Кто там еще был, Валя Порфирьев. Он сейчас где-то на севере. Выпили все, подчистую, все запасы Могилевского. В магазин бежать было уже поздно, и дело дошло до спиртовой настойки лимонника, которую прислал с Дальнего востока сын Могилевского. Прикончили и ее, выпив по стакану того, что нужно было употреблять по ложечке в день в течение месяца.

Михаил Ефимович не присел, хотя ему уж за семьдесят было. Это был какой-то взрыв, фейерверк энергии, он был, казалось, трезв как стеклышко. Разговоры прерывались только опрокидыванием рюмок. А Михаил Ефимович все спрашивал «А, правда, ребята, я хороший парень?». Да, Михаил Ефимович, хороший ты был парень. Жизнь не сломила тебя, хотя трудно тебе пришлось. Шестнадцати лет пошел добровольцем на фронт. Раненый в ноги, попал в плен. Помотался по фашистским лагерям. Чудом выжил. Был во Франции, потом в Америке. Один из не многих изъявил желание вернуться в Советский Союз. Здесь опять лагерь и клеймо на всю жизнь. Ты знаешь, хоть он и воевал, его ветераном не считали. А некоторые в лицо насмеялись над ним. Он переживал, плакал. И тогда, в тот вечер мы опять говорили об этом. Могилевский и плакал и смеялся и мы вместе с ним.

Очень он любил песню о журавлях, там были такие слова

Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный,

Слышу крик журавлей, улетающих вдаль.

Сердце бьется сильнее, слышу крик каравана

И в родные края провожаю их я.

Вот все ближе они, и все громче рыданье,

Будто скорбную весть мне они принесли.

Из какого же вы недалекого края

Прилетели сюда на ночлег, журавли?

Он рассказывал, что песню эту они пели, когда их в трюмах везли из Америки на родину.

«Слушай» – говорил Могилевский, хлопая меня по плечу – «а ведь ты молодец. Захотел бабу выебать. И выебал!». Я сразу не сообразил, а потом до меня дошло: если для нас наши отношения развивались так, как будто мы были только вдвоем, не существовало никого, как будто мы были погружены в вакуум, то окружающие все прекрасно знали и наблюдали за нами, как за зверьками в клетке. Такой естественный эксперимент проводился. Но тут уже ничего не поделаешь, мы были просто без ума друг от друга.

Я вышел, покачиваясь из квартиры Могилевского. Был теплый весенний вечер. Надвигалось лето. Другое лето. Того уже не будет. Не будет уж и дня рождения Михаила Ефимовича. Точнее дни рождения будут, но не будет самого Могилевского. Через полгода соберутся его друзья на похороны, а через год мы будем отмечать его день рождения, но без него. Михаил Ефимович всегда говорил, чтобы не ревели по нему после смерти. И мы пили и веселились на славу. Помню, как, напившись до беспамятства, мы втроем уселись в автомобиль. Кто же там еще был? Ах да, Петя Попов и Николай Иванович. Один сейчас уже на пенсии, а второй в политику ударился. Петя двигаться не мог, но за руль мы его усадили, хоть и с трудом. Как он меня довез до дому – не знаю. Я жил тогда на другом конце города. А на четвертый этаж я поднимался, наверное, часа два.

Мы и сейчас встречаемся в день смерти Михаила Ефимовича, только уж сильно не напиваемся, хотя до дому теперь можно добраться на такси. Одному нельзя, другой завязал, а третий.. .

Я прошел через темный двор. Горели окна с обеих сторон. Было уже довольно поздно и во дворе никого не было. Да, я

помню этот подъезд. И этаж последний. Когда-то я взлетал на этот этаж за считанные секунды. Кто сейчас там живет? А что если подняться и позвонить в дверь? Просто позвонить в дверь. Зачем?

IV.

- Все же я не пойму, почему ваши отношения развивались так медленно.

Не знаю. Может быть потому, что мы сопротивлялись нашему сближению. Мы оба были связаны нашими семьями. А можно сказать и по-другому: мы не торопили события, наслаждаясь тем, что у нас было.

Так на чем же я остановился?

- На Могилевском.

Нет, нет. Я начал тебе рассказывать, что произошло летом 1989 года. Да, сейчас вспомнил. Летом намечалась такая халтурка по социсследованию. Приближались уже те времена, когда я, забыв о выходных и праздниках, вкалывал день и ночь, чтобы прокормить себя и семью. Но тем летом я еще не подозревал о том, что случится с нами в 90-е годы, а с волнением думал, что скоро буду свидетелем великих перемен в стране и в моей жизни.

Остался я в то лето один. Жена, беременная вторым ребенком, уехала к родителям. Дело наше не было утомительным. С утра побегаешь по заводу, а с обеда - свободен. А жара под сорок. Ни капли дождя. Спать было не возможно. Я ложился часа в три ночи и вставал часов в семь утра. Но, не смотря на жару и недосыпание, энергии было хоть отбавляй. Студенты разъехались. И преподавателей в нашем отсеке осталось человек десять. На нашем этаже, кажется, вообще никого кроме меня не было.

И вот произошло странное. Буквально в начале июля, остатки преподавательского корпуса часиков в восемь вечера вышли подышать воздухом на пожарную лестницу. Зной немного спал, и легкий свежий ветерок нес прохладу и не большие тучки откуда-то с западной стороны, возбуждая слабую надежду на скорую грозу.

Вначале мы просто переговаривались, шутили. А потом, я не помню, как это произошло, но из нас тогда образовалась такая... стихийная летняя компания. Человек семь-восемь. Там была Катерина, полная умненькая девушка - филолог, зверски убитая любовником в общежитии года через два после описываемых мной событий. Галина с кафедры русского языка, которая потом куда-то уехала. Иногда к нам присоединялся будущий первый проректор Джабраилов Муса Ахмадович, уехавший спустя десять лет в Дагестан, об амурных похождениях которого слагались в институте легенды. Был и еще кто-то, я уже всех не припомню. И о чудо, была ОНА. И это действительно было чудо, хотя я уже говорил, что во взаимоотношениях людей, которых влечет друг к другу, чудес не бывает. Точнее, они сами творят эти чудеса, только не замечают этого. Был и ее муж, Петр Николаевич, не высокого роста и очень крепкого телосложения мужчина, великолепный филолог и любитель посидеть за бутылочкой в дружеской компании.

Необычное чувство охватило меня тогда. Это было не только влечение к этой женщине. Там было что-то от того, детского чувства, которое я испытывал, сидя в кинотеатре. Этот чудесный мир сказки, грез шагнул с экрана и пришел ко мне наяву. Это не могло долго продолжаться, но это оставило во мне след, неизгладимый след, его нельзя уже вытравить ничем, ибо спустя уже двенадцать лет, я живо помню о том времени; стоит только закрыть глаза, и вот я опять окунаюсь в это жаркое, невыносимо жаркое лето. Да, такие события могли происходить только летом и только жарким летом. Деревья стояли поникшие от зноя, а в душе была весна, журчали ручьи и пели птицы.

Что же это была за компания! Мы заранее составляли план «мероприятий» на следующий день. Кино, на речку купаться. Или просто гуляли, наслаждаясь теплыми, как парное молоко вечерами и общением друг с другом. Вместе ужинали. Каждый вечер одна из женщин готовила что-нибудь на всех. Ну, там всякие пироги, печенье пекла или что-нибудь еще. И вином немного баловались. Нам было весело и комфортно. Знаешь, ухохатывались до слез по каждому поводу. Заканчивались наши посиделки далеко за полночь.

Помню как в один из вечеров, мы ходили посмотреть новую квартиру Мусы Ахмадовича. Дом был уже готов, и можно было заселяться. В этом же доме получила квартиру и ОНА с мужем. Муса Ахмадович шутил, что переселится только тогда, когда

заасфальтируют дорогу от дома до работы. Дорогу действительно скоро заасфальтировали. Почему не переселялась она с мужем, я не знаю. Казалось, самое удобное время, но этого на мое счастье не происходило.

Как-то мы пошли в кино. Что за фильм – плохо помню, запомнил только, что там снялся Мишель Пикколи.

- Кто это?

Ну, ты даешь! Это один из лучших французских актеров. Так точно выразить человеческие чувства может только он. И чувства эти все в его глазах, понимаешь?

- Красивый?

Ну, ... можно сказать и так.

Наши места оказались рядом. Я даже число шестнадцать запомнил. Вот не помню только, был это ряд или место. Я искоса смотрел на нее, а не на экран. Поэтому, наверное, и сюжет фильма не сохранился в моей памяти. Она также украдкой поглядывала на меня. Было темно и мне хотелось, чтобы фильм не заканчивался никогда. Впервые в кино, я плавал в грезах и трепетал не от содержания фильма, а от того, кто сидел рядом со мной.

- Ты мог взять ее за руку.

Мог, но не решился. Все же надо было соблюдать приличия. Да и муж был рядом. Я вот только потом понял, что, видимо, все из нашей компании, по крайней мере, женщины, тогда уже почувствовали, что между нами что-то происходит. Это сразу улавливается: взгляд, жест, как повернулся, что сказал. Это игра, игра, в которую играют мужчины и женщины уже тысячи лет, и эта игра началась.

- Ты не пробовал остановиться?

Нет, остановится, мы уже не могли. Я уже ничего не понимал, наверное, и она тоже не в силах была противиться магнетизму влечения, охватившему нас.

Стало уже совсем темно. Я прошел через двор на улицу, что шла параллельно бору. С ней хорошо можно было видеть ее

балкон. Впрочем, что это я, балкон уже давно не был ее. В квартире не горел свет, и контуры балкона были расплывчаты. Так расплываются и уходят в прошлое черты людей и их поступки, оставляя только смутные силуэты, когда-то бурлившей жизни.

V.

- Как же развивались события дальше?

Кажется, дня через четыре или пять, после наших посиделок на пожарной лестнице случилось следующее. Кто-то из нашей компании принес магнитофонную кассету. Называлась кассета «Erotic dreams», т.е. эротические сны, грезы, мечты. И вот не помню уж как, но мы стоворились с НЕЙ ночью слушать эту музыку у нее в комнате.

- Только слушаем музыку - сказала она.

- Да, только музыку - ответил я.

Мы понимали друг друга с полуслова.

Было уже часа два ночи. Мы сидели в креслах. Не было ни звука, только музыка. Колдовские французские мелодии. Какие-то щемящие и вместе с тем светлые звуки проникали в самую душу и играли, играли, играли моими чувствами. Я ощущал, что и она находится в таком же состоянии. Да, я мог бы тогда овладеть ею физически, но выше того, что тогда происходило между нами, уже быть не могло. Мы не прикасались друг к другу, но сердца наши были вместе и стучали в унисон, как одно большое сердце.

Сколько прошло времени, я не знаю. Возможно часа два. Кассета кончилась. Она вышла провожать меня в коридор. Я вдруг наклонился и поцеловал ее. Это был порыв, все произошло само собой. Я видел ее лицо. Я мог бы сделать шаг и остаться с ней, но я не сделал этого.

- Ты жалеешь?

Нет. Так должно было быть. Так складывались наши отношения, это наша с ней жизнь. Жизнь, которую мы прожили вместе несколько месяцев.

Наверное, тогда уже все поняли, что с нами происходило.

- А муж?

Возможно, знал и он. Хотя, понимаешь, мужья часто последними узнают некоторые подробности из жизни своих жен. Но они были с ней в фактическом разводе, и для него было главное, чтобы не было шума и скандалов, поскольку речь шла о получении трехкомнатной квартиры, которую давали всей семье. Ну, нельзя было не заметить того, что между нами происходило. В присутствие посторонних мы вели себя так, будто никого рядом не было. То есть мы, конечно, общались с другими, но как бы это тебе объяснить. Представь, что ты разговариваешь с кем-то по телефону, а вокруг ходят люди и ты вынужден с ними общаться, но почти не понимаешь их, а иногда и просто отмахиваешься от них, как от назойливых мух - мол, что вы разлетались тут, не мешайте разговаривать.

«Сегодня днем было так жарко в комнате» - говорила она, - «Я разделась и ходила совсем свободная».

Это слышали все, но я понимал, что это предназначалось только мне. И переносился с ней в эту комнату, и мы вместе кружили ней в каком-то удивительном магическом танце, я держал ее в своих объятиях, мы были одни, и звучала прекрасная музыка.

Пройдя к креслу в углу комнаты, я щелкнул выключателем на системном блоке. Тихо зашумел вентилятор, и экран засветился не ярким светом. Восстанавливались связи, соединяющие меня со всем миром. Но разве могут заменить миллионы таких нитей, одну только одну нить, объединяющую двух людей в единое целое.

VI.

Днем мы часто уходили в лес и бродили несколько часов совершенно одни. Ты же знаешь, сосновый бор вплотную примыкает к северной стороне города. Доходишь до вокзала, а там до деревьев рукой подать. Можно через переезд, где расположен «Шанхай» - часть города, которая почти в бору стоит. А если пойти со стороны вокзала, то от водонапорной башни нужно взять чуть влево, и вот ты в лесу.

- Я знаю.

В вышине шумели сосны, где-то гудели поезда. Мы целовались, и нам было хорошо. Сколько мы наматывали километров – не знаю. Но мы двигались всегда очень быстро, словно торопились куда-то, боясь опоздать. Мы никогда не уставали, будто черпали энергию из бездонного колодца наших чувств. Иногда собирали ягоды или просто сидели, обнявшись, прислонясь к дереву.

Побродив полдня по лесу, мы возвращались в общежитие, а вечером встречались вместе уже в компании. Но мы уже плохо замечали окружающих, будто кружили в каком-то колдовском танце.

– И между вами так и не было физической близости?

Нет, это произошло позднее. Я еще расскажу об этом.

Но время неумолимо. Я пытался забыть об этом, но оно шло, мчалось, летело, словно, потерявший управление, со сломанным стоп-краном скорый поезд. В начале августа мне нужно было ехать за женой, а в середине августа уже ОНА собиралась в Москву по вопросам, связанным с ее диссертацией. Помню, как пришел к ней в комнату перед самым своим отбытием. Кажется, что-то нужно было привинтить к швейной машинке. Я завинчивал, а ОНА целовала меня. Если бы тогда я умер, я бы был, наверное, самым счастливым покойником.

Как я ездил за женой – я не помню. Все происходило как в сером тумане. Помню только боль, которую я испытывал. Боль, несравнимую с физическими страданиями. Как будто меня разорвало надвое и я не в силах восстановить свою прежнюю форму.

– Неужели твоя жена не заметила этого?

Конечно, заметила. И более того, по приезду я сразу же и выдал себя.

– Расскажи.

Ну, то, что я веду себя как сомнамбула, заметить было не трудно. Понимаешь, когда постоянно ощущаешь душевные страдания, приходится все время пересиливать себя, улыбаться, что-то говорить. Это все не просто скрыть. А от женщины скрыть еще сложнее. Радовало только то, что жена была уже на седьмом месяце беременности, и мне надо было исполнять супружеские обязанности.

- Тебе не кажется, что ты жесток?

Я рассказываю только то, что было. А судить не нам и нас всех ждет этот суд.

По приезду вечером я вздумал выйти на нашу пожарную лестницу (ту самую), чтобы увидеть ЕЕ. Ну, и поскольку я долго не возвращался, жена тоже вышла туда. Правда с кем я был, она не поняла, но то, что я там был не один - было очевидно. Последовали объяснения, слезы. Я не признался, и этот инцидент был на время забыт.

Подумать только, уже опять надвигается зима. Какая же это по счету зима в моей жизни. Лучше не считать. Зима, зима. Замерзают деревья, реки, мысли, чувства. Перемерзают и рвутся ниточки, объединяющие людей. Скоро, скоро зазвучит старая зимняя песня, и все погрузится в белый холодный рас- твор.

VII.

Неумолимо приближался и ЕЕ отъезд. Да, к этому времени они с мужем уже переехали в новую квартиру. Сердце мое рвалось к ней. Мы встречались урывками. Кажется, перед тем как уехать ОНА хотела принять какое-то решение. Мы не говорили об этом, но я это чувствовал, и от этого мои страдания становились сильнее. Помню, как перед самым ее отъездом мы встретились. Она пыталась подвести меня к мысли, что мы должны расстаться. Мне было больно, но я не мог, что-либо возразить ей. Она пошла. Я стоял и смотрел ей вслед. Когда расстояние стало чуть больше квартала, я не выдержал и быстро пошел за ней. Около самого ее дома я побежал. Завернув за угол, я увидел, как она подходит к своему подъезду. Я выкрикнул ее имя. Она повернулась ко мне. Лицо ее было мокро от слез. Мы стояли и смотрели друг на друга. И больше ничего. Это продолжалось минуту, может быть две, мне казалось, что я балансирую между двумя безднами и не могу упасть ни в ту или в другую сторону. Еще несколько секунд, я сделал над собой усилие, отвернулся и пошел. Весь мир словно был вымазан серой краской. А между тем была жара под сорок - лето продолжалось и сияло черное солнце.

- А дальше?

ОНА уехала недели на три и приехала в начале сентября. Все это время я как загнанный зверь кружил вокруг ее дома. Я вглядывался в окна, с надеждой смотрел на балкон, стараясь обнаружить хоть какие-то признаки ее присутствия. Однажды я чуть не запрыгал от радости, увидев, как открывается балконная дверь, но это был ЕЕ муж выходящий выкурить сигарету. Я разработал специальный маршрут, по которому в течение нескольких часов каждый день я курсировал около ЕЕ дома, так чтобы это не вызывало удивления у знакомых. Голова все же как-то работала, и мне не хотелось, чтобы окружающие обнаружили это странное поведение.

- И ты действительно наивно полагал, что твое необычное поведение остается незамеченным?

Не знаю. Но что я мог поделать? Меня тянуло туда как сильным магнитом. Все мысли мои были только о ней, только о том, чтобы увидеть ее. Понимаешь, для меня это было каким-то спасением, ну если хочешь, лекарством, которое поддерживало мои жизненные силы, смыслом жизни на этот маленький период существования.

Окна ее квартиры выходили на обе стороны дома и, стараясь, разнообразить свое поведение, я появлялся то с одной, то с другой стороны, вглядываясь - не мелькнет ли за шторой дорогая моему сердцу фигурка.

Не помню, как я узнал, что она приехала. Кажется, я увидел ее в институте. Постой, постой, мне об это сообщила Катерина. Она, несомненно, догадывалась о наших отношениях (как и многие другие) и, возможно, душой жалея меня, хотела порадовать. Катя, Катерина, - какая же это была девушка, умная, добрая, как нелепо и страшно она погибла. Из пробитой головы сочилась кровь, она ползла к двери комнаты, в надежде позвать на помощь. Ей удалось приоткрыть дверь, но ее никто не услышал - был уже день и все были на работе. Она умерла в больнице, не приходя в сознание.

Не так давно по делам служебным я побывал в Санкт-Петербурге. Была уже поздняя осень. Постоянно лил дождь. Но сердце мое было наполнено радостью. Я встретился с городом, в котором прожил без малого шесть лет. Какое счастье, что можно снова на несколько дней окунуться в свое прошлое.

Старею, наверное, раз меня начинают волновать события давно минувших дней.

VII.

- Ты, наверное, был влюбчивым в молодости?

Я бы не сказал. В школе у меня не было девочки. Ты знаешь тогда, и у большинства мальчишек их не было. Время было другое. Однако в классе в 7-м - 8-м, я помню, была игра такая. Мальчишки всех девчонок поделили между собой, без их согласия, естественно, и как бы старались за ними ухаживать, защищать их. Но это была лишь детская игра, не более, ничего серьезного.

- Интересно. И в чем это ухаживание проявлялось.

Да не было ухаживаний. Ну, вот просто взяли и всех девчонок поделили. Не помню даже, чтобы случались какие-то серьезные конфликты из-за одноклассниц. Мне досталась Инна Михайлова. Такая болезненная девочка. Из-за болезни она пропустила один год и оказалась у нас в классе самой старшей. Кажется, была она красивой. Но никаких попыток сблизиться с ней с моей стороны не последовало, и она ко мне интерес не проявляла.

Правда, припоминаю, был у меня конфликт с одним мальчиком. Вел он себя довольно нагло. Сейчас бы, наверное, сказали - изображал из себя «крутого». Как-то он со своим приятелем наподдавал мне, за то, что как им показалось, я заигрывал с одной девочкой. Обиду я затаил и все ждал случая расплатиться с ним. И как-то после уроков теперь уже я спровоцировал его. Но зрелищной драки не получилось. Он был ниже меня ростом и слабее. Я несколько раз «сунул» ему по лицу. Он, разъярившись, схватился за ремень (тогда дрались пряжками), мне тоже дали в руки ремень (ремня с пряжкой своего у меня не было), но, махнув раз три, и не причинив друг другу вреда, мы разошлись. Никаких продолжений драка не имела. Обстановка в классе в то время складывалась не в его пользу, а потом мы помирились.

- А что Инна?

Ничего. После восьмого класса я пошел в девятый, а она в техникум. Потом мне говорили, что она рано вышла замуж, родила двух детей, муж пил, ну, в общем, история, каких мно-

го. Но вот, лет двадцать спустя, я ее увидел и не узнал. Ей ведь еще и сорока не было, а на вид казалось далеко за пятьдесят. Ты знаешь, как-то я неловко себя почувствовал, будто был виноват в чем-то перед ней. Неприятное ощущение.

- В чем, собственно, ты мог быть виноват?

Ну, не знаю. Наверное, вот в том, что стою перед ней здоровый привлекательный мужчина, выгляжу моложе своего возраста, а она нет.

- Да ты самовлюбленный тип. Может быть, ее вид напоминал тебе, что ждет и тебя?

Может быть. Но с тех пор мне не хочется видеть женщину, с которой не виделся много лет. Страшновато как-то.

Рассматривал карту Питера. Оказывается там несколько десятков мест, которые как-то связаны с моей жизнью в этом замечательном городе. Начать с того, за несколько лет я сменил более десятка адресов проживания. А ведь были и еще другие события. Вот здесь я провожал немку-аспирантку после театра, с трудом объясняясь с ней по-английски, а отсюда меня забирали в армию, а вон там, у «Львиного мостика», меня надул квартирный маклер, а здесь, недалеко от Эрмитажа, цыганка выманила у меня бумажку, аж, в двадцать пять рублей советскими.

VIII.

А осень стояла ведренная, тихая...

Мы снова начали встречаться. Того тяжелого расставания, будто не было вовсе. Мы встречались в институте, на улице. Очень часто просто заходили в пустые аудитории и там целовались, целовались. Я заметил, что некоторые преподаватели, когда мы оказывались с НЕЙ, даже случайно, рядом, смущались и отводили глаза. Теперь-то я понимаю, что мы вдвоем оказались на сцене, сцене абсолютно голой, а в зале сидели в полном составе все преподаватели и сотрудники института. Но нас это не волновало нисколько. В этой толпе студентов и преподавателей, торопливо снующих по коридорам института, мы видели только друг друга. словно невидимая серебряная ниточка связала нас, и стоило одному из нас слегка дернуть

за один конец, как тут же сердечной болью и предвкушением встречи отзывалось на другом ее конце.

Иногда мы встречались в городе. Эти встречи, заранее обговоренные, со стороны должны были выглядеть, как случайные. Например, она говорила мне, что идет сегодня в гости, и сообщила мне маршрут и время своего передвижения, а я имитировал случайную встречу. Если те, к кому ОНА шла в гости, были мне знакомы, то, «неожиданно», и я появлялся у них в гостях. Засидевшись допоздна, мы уходили вдвоем. Так было, например, с Порфирьевыми. Я хорошо знал обоих Порфирьевых и спокойно мог появиться у них в гостях. Помню один вечер у них. Была теплая добрая атмосфера. Пили чай, коньяк, ели какие плюшки, испеченные женой хозяина дома, засиделись допоздна. Ушли с НЕЙ вместе, потом еще долго бродили по ночному городу.

- А что же твоя жена? Как она реагировала, на твои частые отлучки из дома.

Ну, в данном случае у меня была отговорка. Я был у Порфирьевых.

- Но ведь твоя жена была в положении. Как все развивалось?

Ты имеешь в виду беременность? Все было нормально, хотя мое поведение и способствовало скорее обратному. В конце октября родился мой второй ребенок. Но прежде чем перейти к этому периоду моей жизни, я должен рассказать о предшествующих событиях.

Да, цыганка тогда действительно выманила у меня двадцать пять рублей - половину денег, которые у меня были. Подсела она ко мне в Летнем саду. Был я как раз в расстроенных чувствах. Решалась моя судьба, как мне тогда казалось, - я собирался жениться. Я сунул ей рубль, она его ловко спрятала на груди. И говорит, что надо бы настоящие деньги дать «с Лениным» (т.е. десять или двадцать пять). Ну, я и «бухнул» ей фиолетовую бумажку в двадцать пять рублей. Бумажка мгновенно исчезла у цыганки в рукаве. А нагадала она мне, что все будет хорошо. Так и живу с этим предсказанием, что все будет хорошо.

IX.

Однажды, мы уговорились с НЕЙ идти на кладбище.

- Почему на кладбище?

Не знаю. Просто хотели погулять вдвоем вдалеке от людских глаз. Погода была великолепная, хоть и пасмурная. Сухо, тепло. Под ногами сухие листья шуршат.

Согласись, что опавшие листья переключают наше настроение на какой-то лирический лад. Начинаешь думать об ушедшем, вспоминаешь людей, с которыми когда то был знаком, и с которыми уже вряд ли встретишься в этой жизни. И чувства вспоминаются. Что-то ушло, ушло безвозвратно. Но постепенно все покрывается какой-то полупрозрачной дымкой. И вот уже среди этого увядающего желто-бурого великолепия вспоминаешь о том, что волновало тебя двадцать-тридцать лет назад спокойно, с не большой грустинкой, ну, просто как случай из жизни.

- Да ты философ.

Мы встретились на повороте к кладбищу и рука об руку вошли туда. В глубине кладбища стоит не большая церковь. В то время только она и работал в нашем провинциальном, а когда то богатом и славном городке. Решили зайти. Это ОНА предложила. Я в то время в церкви почти не бывал. Знаешь, заходил в основном из любопытства. Хотя крещеный был - бабушка постаралась. Честно говоря, не помню, что мы там делали. Возможно, ОНА молилась, а я, наверное, просто иконы рассматривал. Хотя, ты знаешь, Отче наш в то время я уже знал. Как то мне в дорогу текст этой молитвы дали и в поезде я ее выучил наизусть, помню и сейчас.

- Это ты себя похвалил?

Так, получается...

В общем, пробыли мы с НЕЙ в церкви, может быть, полчаса, может быть, минут сорок. Вышли на улицу. Кажется, тучи сгустились, но дождя еще не было. Мы побрели по дорожкам кладбища. Представляешь - никого и только мы. А кругом облетевшие деревья, сухие листья под ногами, ну и могилы, конечно.

- Романтично.

Мы остановились и стали целоваться. Я потерял счет времени, наверное, и она также. Ты представить себе не можешь, что с нами происходило.

- Да уж, конечно.

Голова кружилась, такое чувство, будто плывешь по воздуху, легко, словно сон наяву видишь. И хочется, чтобы это продолжалось вечно.

Вдруг я почувствовал, что мы падаем. Мы оказались на куче сухих листьев. Все происходило по какому-то наитию, словно само собой, словно какая-то сила управляла нами, бросая в пучину наших чувств. Мы освобождались от мешавшей нам одежды. Я держал ее в своих объятиях и чувствовал, как наши тела, прижимаясь друг другу все сильнее и сильнее, становились единым целым. Невообразимое сладкое ощущение стать частью другого, одновременно принимая его как свою часть. Мои руки свободно скользили по ее телу, а она обнимала и гладила меня. Я впервые физически овладел ею, но и сам стал частью ее. Мы двигались как одно целое, чувствуя и понимая друг друга без слов.

Сколько времени мы так пролежали – не знаю. Стал накрапывать дождик, тогда мы очнулись. В небе на юг летел журавлиный клин. Дождик все усиливался, мы оделись. У НЕЕ был зонт, уходить с кладбища нам не хотелось. Мы бродили по кладбищу под дождем, постепенно намокая. Я смотрел на ее мокрое лицо, по которому текли ни то дождемки, ни то слезы. Хотелось плакать и смеяться одновременно. Обнявшись, мы уходили с кладбища.

- С этого дня ваши отношения стали иными?

Не знаю, но такого всепоглощающего чувства я не испытывал никогда. Наверное, мы стали чуть-чуть ближе друг другу. Хотя я чувствовал ее и раньше. Она была моей второй половиной, моей частью, находясь рядом даже тогда, когда физически ее поблизости не было.

Но все кончается, и мы расходились по разным квартирам, унося с собой частичку друг друга.

На Воскресенском кладбище лежит моя бабушка Аполлигария Александровна. Умерла она в далеком 1973 году. Последние полгода она почти ничего не видела. Умерла она в июне. Стояла прекрасная летняя погода. В тот момент я не почувствовал горя. Но спустя много лет я ощущаю, что мне ее очень не хватает. Она была малограмотной и очень верила в бога. Могила ее расположена в двух шагах от церкви.

Х.

- Да, а как же твой ребенок?

Он родился в первых числах ноября. Жену увезли в роддом. Роды прошли успешно, а я каждый вечер пока она была в больнице, уходил из дома, чтобы встретиться с НЕЙ. Укладывал спать сына и часов в одиннадцать отправлялся к ней. Встречи были не долгими. Около часа ночи я возвращался домой. Иногда я заходил к НЕЙ на огонек. Муж был дома, но все происходило просто как встреча друзей. Иногда она выходила ко мне на улицу. Часто мы ходили к ней в гости вместе с Катериной.

- Ты ходил в роддом?

Да, но память не сохранила никаких деталей. Когда надо было забирать жену из роддома, я перепутал одежду, которую надо было вести ей.

- Да, со стороны все не очень красиво выглядит.

Встречи наши практически прекратились. Да и жене рассказали о моих «похождениях». Начались скандалы. Один из скандалов продолжался всю ночь и сопровождался разными, довольно экзотическими действиями, о которых умолчу. Я пообещал, что больше не буду встречаться с НЕЙ. Дальше все немного успокоилось. В это время ОНА снова уехала в Москву.

Я опять начал метаться. Все вновь окрасилось серыми красками. Несколько раз вызывал ЕЕ на переговоры, давал какие-то телеграммы «странного» содержания.

- Ты ревновал?

За все время наших отношений ни следа ревности не возникло в моей душе, хотя я, как и всякий человек, способен на такие чувства.

- А если бы тебе пришлось делить ее с другими мужчинами?

Вряд ли что-либо изменилось в моем отношении НЕЙ. То, что скрепляла нас, не имело отношения к другим мужчинам и женщинам. И у НЕЕ не было абсолютно никакой ревности к моей жене. Во всяком случае, между нами не возникало никаких разговоров на эту тему. Мне ОНА сказала, что в Москве у нее был мужчина, но имела ли она с ним какие-либо отношения, во время поездок в Москву, я не знал и, скажу по правде - меня это не интересовало совсем. Важны были только наши с ней отношения, и только они.

У меня созрел гениальный план. Я решил ехать в командировку в Питер (тогда еще Ленинград). Жена не возражала. План заключался в следующем: я еду в Питер, через Москву. Заезжаю на день в Москву, затем Питер, отмечаю там командировку нужной датой, а затем возвращаюсь обратно в Москву. Для отчетности я заготовил и обратный билет на соответствующее число. Таким образом, я выгадал несколько дней, которые мы могли спокойно провести в Москве.

Москва встретила меня перестроечным бурлением. Кооператоры, наперсточники, рассказчики анекдотов на Арбате, собирающие вокруг себя толпы народу. Все крутилось, жило, кипело, предвкусывая скорые и фантастические перемены. ОНА остановилась в общежитии на проспекте Вернадского (это на юго-западе Москвы). Наша встреча не была счастливой. В чем причина - не могу сказать. Да, мы спали в одной постели, но наши интимные отношения были похожи на интимные отношения уже давно привыкших притершихся друг к другу супругов. Помнишь, у Ивана Бунина?

Вчера ты была у меня,

Но тебе уж тоскливо со мной.

Под вечер ненастного дня

Ты мне стала казаться женой...

- Ну, лирика - это... по твоей части.

Между нами возникло какое-то напряжение. Нас как будто все это тяготило. В последствие она сказала мне, что ее московский любовник все время, которое я там пробыл, по пятам ходил за нами.

- Может быть, это сыграло какую-то роль?

Возможно. Из Москвы я уезжал с тяжелым сердцем, думая о том, что нас ждет.

Еще, будучи ленинградским аспирантом, был в командировке в Москве. Останавливался в общежитии на проспекте Вернадского. Все вечера проводил в театрах. Билеты тогда спрашивали квартала за три. Не помню, что же я смотрел на Таганке. Но зал мы покидали не хлопая. Помню еще, что тогда была весенняя слякоть, а мои ботинки прохудились, но я не обращал на это внимание.

XI.

- А ты весьма депрессивный тип.

Да, наверное. У меня с детства были такие периоды, когда все из рук валилось. Ничего делать не мог. Обычно через два-три дня все проходило, и начинался подъем. Иногда этот период затягивался, и плавно переходил (как я это называю) в «творческую ипохондрию».

- От несчастной любви не страдал?

Любовь либо есть, либо ее нет. И всегда человек, если любит - страдает, потому как вторая половинка по той или иной причине не может быть с ним постоянно рядом, а это уже мучение.

- Тебя не бросали?

Не люблю этого слова. Бросать можно что-то отработанное. Когда кто-то говорит, что его бросили, это он себя так унижает, чтобы чувствовать себя еще более несчастным. Я предпочел бы другое слово «уходить». Нет, от меня не уходили, я уходил. Но это я себе в заслугу не ставлю, так сложилось.

- Когда ты первый раз ушел?

Давно это было, еще в институте. История довольно длинная. Как бы это покороче.

- Попробуй.

Отдыхал я летом, не помню уж после какого курса института в доме отдыха. Впрочем, домом отдыха это назвать было нельзя. Там были такие домики деревянные на берегу озера, которые за умеренную плату можно было снять дней на десять – пятнадцать. А домики эти прямо в сосновом бору стояли – красота, воздух чистый. Вода на озере прозрачная, плывешь на лодке и дно видно, рыба видна, раки на дне среди камней. Чудо!

Отдыхали мы втроем. Я и еще две женщины.

- Да?

Нет, ничего такого не было. Одна женщина была меня вдвое старше. Я ей восхищался, был тайно в нее влюблен, но никаких отношений у меня с ней не было. Была еще девушка. Она была на курс старше меня. Ну, девушка, как девушка. Тут всему была еще предшествующая история, только я ее рассказывать не буду, так как история вовсе и не любовная.

- Но ты в эту девушку влюбился?

Пожалуй. Это было взаимное чувство. Мы уходили на целый день в лес или уплывали на покрытые огромными гранитными валунами острова. Ну, естественно целовались и все такое.

- А подробнее.

Нет, на этот раз никаких подробностей не будет.

- Ты был счастлив?

Да.

- А она?

Я думаю тоже. Дни летели незаметно. Это было мое первое серьезное чувство. Наверное, это и есть взросление, или как сказал один известный писатель «воспитание чувств». То, что так жаждала когда-то моя мальчишеская душа, пришло ко мне только в двадцать лет и пришло неожиданно.

Быстро подошел конец отдыха. Мы расстались. По приезду домой я затосковал. Вот тогда я и испытал чувство разлуки со второй половинкой. Наверное, это чувство было не столь сильным, как-то, что я описывал выше, но я страдал. Страдал сильно. Фактически жил от письма до письма. Тогда ведь не было электронных средств связи. Несколько раз ездил к ней в

другой город. И все как бы уже шло к тому, чтобы нам пожениться, как вдруг я передумал.

- Так уж и вдруг?

Ну, почти. Конечно, это не за один день произошло, но как мне кажется за короткий срок. Я думаю, мои приезды как-то повлияли на наши отношения, точнее мое отношение. Возможно, перспектива семейной жизни с ней меня не устроила. Не занимался я анализом. Понимаешь, одно дело, когда мы вдвоем, а другое дело, когда тебя начинают уже в чужую семью вводить. Сейчас люди стали более свободными, а в то время семья имела большое влияние на человека. А тут я представил себе, что вот эта мама станет и моей мамой, этот папа станет моим папой, этот дедушка станет моим дедушкой, ну и так далее. А я человек свободолюбивый, не переношу лишних уз. Родственников люблю только на расстоянии.

- Родственники не понравились. А дальше?

Ну и написал письмо, что все, расстаемся. Потом она приехала в наш город, заходила ко мне, но я к ней не вышел. Вышла моя сестра, которая потом меня отругала.

- Так ты еще и трус.

Да, тогда я струсил. Сейчас, я думаю, вышел бы. Хотя, какая разница. В сердечных делах, чем резчерываешь отношения, тем легче обоим. Не стоит затягивать петлю расставания друг у друга на шее.

- А дальше?

Все. Продолжения истории не было, но был некоторый опыт и переоценка ценностей.

Была весна, был май месяц. Было тепло, и цвела сирень. Мы возвращались из гостей уже около полуночи. Густой запах сирени плыл над головами, кисти сирени выглядывали почти из-за каждого палисадника. Было еще светло, но улицы были пустыми. Незъяснимые ощущения наполняли мое сердце. Хотелось, чтобы этот вечер не кончался никогда. Но все кончается в этом мире, чтобы начаться вновь.

XII.

Из Москвы я вернулся растерянным. Мне казалось, что я ЕЕ теряю. При расставании у обоих было подавленное настроение. Время шло к декабрю. Снегом запахло, как говаривала моя бабушка. Накатывалась холодная и снежная зима.

К началу декабря ОНА вернулась. Мы встретились на улице. Какая-то ОНА была тихая. Мы поговорили. Было такое ощущение, что мы что-то потеряли. Несколько дней мы не встречались. Время тянулось томительно и тоскливо. Наконец я, не выдержав, пошел к ней домой, выгадав, когда мужа не было дома.

Я прошел на кухню. Мы сели пить чай. Говорили о разных посторонних вещах – погоде, каких-то общих знакомых, последних институтских сплетнях. Я признался, что очень скучаю без нее и по ответу, по ее глазам, я понял, что и ей без меня очень плохо.

Мы зашли в большую комнату. Я обнял ее, мы стали целоваться. И вдруг нас охватила какая-то неистовая страсть. Мы бросились на диван и, не успев даже толком раздеться, предались нашим бурным чувствам. Буря продолжалась минуту, две, не более, но было такое ощущение, что мы предавались нашей страсти, часа два не меньше. Наша загнанная внутри тяга друг к другу яростно вырвалась наружу, в одно мгновение, высосав из нас все силы.

После этой встречи, я стал приходить к ней почти каждый день, выгадывая, отсутствие мужа. Для этого я изучал его расписание, но этого было мало. Для страховки я проверял, что он действительно ушел на занятия, иногда просто наблюдая, как он приходил утром в институт, а потом уже бежал к ней. Встречи наши происходили обычно рано утром. Я появлялся у НЕЕ около восьми утра и уходил около десяти или одиннадцати.

Вначале, скидывая с себя одежду, мы бросались в постель, а после бурных объятий, уставшие сидели у НЕЕ на кухне, пили чай, разговаривали. Я гладил ее руки, смотрел в ее глаза, любовался ею. Дни проходили за днями, а наша страсть ничуть не утихала. В выходные я не мог дождаться понедельника, чтобы вновь встретиться и раствориться в ее объятиях. Это было какое-то безумство, потому что я уже тогда почти не мог припомнить каких-либо деталей того, что происходило с нами в постели. Прекрасно помнил момент, когда начинались

любственное действие, помнил, когда мы уставшие приходили на кухню, но из того, что происходило между этими моментами, не помнил почти ничего.

- Такое бывает?

Значит бывает. Понимаешь, я не запомнил ее тела, хотя видел ее обнаженной, держал это тело в своих объятиях, почти каждый день.

- Не представляю себе, как это может быть.

Да что ты вообще в этом понимаешь...

Видимо мои утренние приходы не остались незамеченными. Об этом мне сказал один хороший приятель, правда, уже после того, как мы изрядно загрузились коньяком. Что делать, глаза и уши выглядывают из каждого окна и подъезда – такова особенность всех маленьких городков. В тот вечер я остался у него ночевать, так как понимал, что до дому мне просто не дойти. Третьим в этой компании был ЕЕ муж, с которым мы сохраняли вполне приятельские отношения. Ночью мне было плохо, и я «пугал» супругу хозяина дома расхаживая по квартире в одних трусах. Утром «опохмелившись» сладким крепким чаем, я отправился домой, по дороге размышляя над услышанным.

- Тебя что-то смутило?

Нет. Но тяжелое похмелье заставило трезвее посмотреть на действительность.

- Но согласишься, что было о чем подумать? У тебя семья, двое детей. В конце концов, все равно надо было как-то разрубать этот гордиев узел.

Мысль такая у меня мелькнула, но тогда я не принимал никакого решения. Я хотел видеть ее снова и снова, та сила, которая тянула меня к ней, была пока для меня еще непреодолима.

Через несколько дней, муж ее уехал на курсы повышения квалификации, и встречаться нам стало легче. Я мог прийти к ней в любое время.

- И все продолжалось?

Да, я был пьян от нее, а отрезвления не наступало. Мы валялись в постели, пили чай, иногда гуляли, если позволяла по-

года. Но время было неумолимо, и уже начался обратный отсчет.

Милая полноватая женщина сидела у окна купе. Я ехал уже около суток. Поезд Москва-Кузбас несся сквозь зимнюю темь. Мы играли в «дурака». Выигрывали все время полноватая женщина, а мы мужчины, склонные скорее смотреть на нее, чем в карты соседа, постоянно проигрывали. Закончили играть уже далеко за полночь. Рано утром я вышел на своей станции, все еще спали. Больше я их никогда не увижу.

XIII.

- Ты говорил, что Ваня, твой друг детства умер не очень давно.

Да. Смерть всегда жутковата и неожиданна. И это была страшная смерть. В последнее время мы не так часто виделись. Обычно встречались случайно на улице. Ну и немного разговаривали о жизни, о себе рассказывали. Ваня жил вторым браком. На первую жену был сильно обижен. Когда узнал, что и я развелся, то почему-то обрадовался.

Вот так встречались, узнавая вехи своих жизненных путей. Не задолго как ему заболеть, мы увиделись с ним. Веселый был, говорит, любовницу завел. Хорошо так с ним поговорили, и мне было приятно, что ему хорошо.

Прошло какое-то время и мне сообщили, что Ваня заболел. Мне как-то все не верилось, но буквально через несколько недель встречаю его в городе. Внешне он почти не изменился. Мне показалось, что цвет его лица стал ближе к серому. Но он был весел. Говорил, что его вывели на инвалидность и что трудится он на прежнем месте. Болезнь называлась лейкемия. Но проходила в не слишком острой форме: два раза в год он должен был пролечиваться в областной больнице. А все остальное, по его словам, было в порядке. Мне тоже хотелось верить, что все не так уж плохо.

Наверное, болезнь все же прогрессировала. Мы встречались так года три, и я видел, что, не смотря на его бодрый вид и внешне хорошее настроение, кожа его лица принимала все более желтый оттенок. Видел я его последний раз накануне зимы. А к Новому году ему стало плохо. Знаешь, это такое за-

болевание, при котором очень плохо заживает любая ранка. Вот и у него на ноге образовался нарыв, который никак не могли залечить. И ему становилось все хуже и хуже.

Умер Ваня летом в начале июля, всего через несколько дней как ему исполнилось сорок восемь лет. Ему было очень плохо, но в больницу он ехать не хотел. Его увезли, когда он уже был почти в бессознательном состоянии.

Не помню, кто мне сообщил о его смерти, но узнал я вовремя и на похороны попал.

- Как ты вообще к похоронам относишься?

Двойственное ощущение. С одной стороны тяжело на все это смотреть. Тяжело, но нужно проститься с человеком, которого долгое время хорошо знал. А с другой стороны, радоваться надо, что еще живешь и похороны эти не твои. И собираются люди и по тому и по другому поводу.

На похоронах было много знакомых, тех с кем дружил в детстве. Некоторые уже спились или спивались в настоящее время. Мне сказали, что один наш общий друг детства Миша уже вторую неделю пьет на даче, поэтому на похороны не пришел. Тягостно все это видеть и слышать. Не было особой радости от встречи, да и повод то был не радостный.

Жена Ивана, полная и очень добрая женщина, которая была с Иваном все дни его болезни, плакала, виновато поглядывая на ваниных родителей. Но, кажется, было в ней и чувство облегчения, ведь Ваня болел более трех лет, а последние полгода не вставал с постели. Все мы люди.

Похоронили. На поминальном обеде, мы сели вместе с Женькой и Витькой Гловым. Четвертой за столом оказалась первая жена Вани. От водки, которую мы втроем потребляли, она отказалась, пробормотав, что-то не очень лестное в адрес умершего. Мы не стали настаивать, помянули Ивана еще раз и стали расходиться.

Домой я шел не торопясь, голова слегка кружилась, и мне казалось, что рядом со мной шел Ваня, тот Ваня, которого я знал со школы, тот Ваня, с которым мы целыми днями пропадали на речке, тот Ваня, с которым ходили в кино и на школьные вечера, тот Ваня, с которым мы обсуждали, есть бог или нет, и поможет ли он получить хорошую оценку, если помо-

литься. Загребая большими кирзовыми сапогами, которые так любил носить в детстве, он поглядывал на меня и чему-то тихо улыбался.

Сегодня с утра мороз. Зима постепенно отвоевывает свои позиции. Бесснежная погода делает окружающий пейзаж серым и депрессивным. Подумать только, каждую зиму люди думают, что это не вечно и обязательно придет весна. И приходит весна, светит солнце, тает снег, и вот все расцветает. Это закон природы. Но весна приходит не для всех. И это тоже закон, закон жизни.

XIV.

- Я все хотел спросить тебя о Петре Николаевиче. Что с ним сейчас?

Он умер. Умер не так давно. Тяжело об этом говорить. Он много пил. В конце концов, оставил квартиру ЕЙ и уехал на север. Там также продолжал сильно пить. А ведь был очень талантливым человеком. Писал стихи, рассказы. На севере жил в общежитии, вместе с рабочим человеком - по шесть человек в комнате. Говорили, что сошелся там с какой-то женщиной. Но пришлось уехать и оттуда. В конце 90-х появился снова у нас в городе. Имел вид человека опустившегося. В институт его не взяли. Перебивался случайными заработками. Жил с какой-то женщиной, но потом расстался и с ней. Страшно было его видеть. Это, как и Ванина болезнь: видишь, что человеку становится все хуже и хуже, а сделать ничего нельзя. Рельсы кончились, а тяжело нагруженный поезд по инерции еще идет.

- Как у него складывались отношения с женой?

Ты имеешь в виду с НЕЙ. Я не знаю их семейную историю. Да и откуда мне знать. Полной информацией владеют только они, а теперь половина их истории утрачена навсегда. Знаю только, что они вместе учились в институте. Наверное, в начале, все было как обычно: встретились, влюбились, поженились. У них было двое детей. А потом все разладилось. И это закон жизни. Здесь ничего нельзя поделывать. Это случается с большинством мужчин и женщин. Это просто случается, и здесь нет правых и виноватых.

Последние месяцы своей жизни болезнь, называемая запоем, перешла в свою последнюю стадию. По рассказам знакомых ему не хотелось жить, по-видимому, он себя уже похоронил, хотя, возможно, это случилось несколько раньше. Пил уже какую-то дрянь. Люди часто умирают раньше, чем перестает работать их мозг и сердце. А как можно воскресить умершего? Мы же не боги.

Умер Петр Николаевич в феврале на исходе зимы. Было холодно и ветряно. В городе надуло огромные сугробы. По распоряжению ректора гроб человека, отдавшего много лет институту, не разрешили заносить для прощания в фойе.

- Скажи, пожалуйста, не было ли и твоей вины в том, что с ним случилось?

Может быть, была, хотя разлад между ними произошел гораздо раньше. Наверное, ты имеешь в виду, что не встретиться я с НЕЙ и у него, возможно, был бы шанс вернуть семью и любовь. Семью возможно, но любовь, а значит и эту женщину он не смог бы вернуть уже никогда. Да что попусту гадать на кофейной гуще. Случилось так, как случилось. Каждый выбрал свою дорогу.

- Ты всегда себя оправдываешь?

Почти. Что пользы себя корить? Поправить уже ничего нельзя. Хорошенькое занятие для второй половины жизни - раскаиваться в грехах, совершенных в первой.

- Хм, раскаяние в наших прошлых поступках идет нам во благо, делает нас чище.

Это софистика. Не хочешь же ты сказать, что чем больше человек совершает таких поступков, тем у него больше шансов достигнуть идеала нравственности.

- Ты хотел бы подправить, изменить, что-то в своей прошлой жизни?

Нет, не хотел бы. Прошлое нельзя переделывать, чтобы не испортить настоящего.

Во времена моего детства похоронные процессии двигались пешком через весь город. У меня, маленького мальчика, это

вызывало священный ужас. Несколько ночей после увиденного я не мог уснуть, все боялся, что вот-вот умру. Но вот сейчас я понимаю, что это тоже было воспитанием, ибо я с малых лет сталкивался с тем, что определяет жизнь человека. А что может быть в жизни человека важнее смерти, ну разве что любовь.

XV.

- Так что же было дальше? Я имею в виду твои взаимоотношения с этой женщиной.

Я расстался с ней..

Бывают разрывы в отношениях, когда люди уже устали друг от друга. Им скучно вдвоем, их тяготит присутствие еще одного человека рядом. Все начинает раздражать в партнере, кажется, что он все делает назло, чтобы специально разладить отношения. Возможно это и так, только делает он это не осознанно. И вот когда эти люди расходятся, то испытывают определенное облегчение, они разорвали узы, стали свободными, а, по сути, они просто констатировали факт, что между ними уже давно ничего нет, а главное, нет сил и мудрости чтобы восстановить утерянное. Такой разрыв во благо обоих, они получают шанс открыть для себя дорогу в будущее.

Бывает, что люди расстаются, потому что один уходит к другой женщине или другому мужчине. Реакция второй половины может быть непредсказуема. Подсознательно она может быть направлена на то, чтобы вернуть ушедшего. И вот здесь тому, кто ушел, может быть, даже тяжелее, так как именно он испытывает эту «психическую атаку» с применением самых изощренных приемов и средств.

Но бывают и расставания, на которые решается один или оба, которые вызваны определенными жизненными обстоятельствами. И это самое трудное. Пережить такое очень не просто. Причем тяжело обоим и это усиливает их страдание. Именно такие разрывы отношений могут привести к сильнейшим душевным потрясениям или даже к уходу одного или обоих.

- Ты прекратил с ней отношения ради семьи?

Ну..., знаешь, это такое клише, которое повторяют люди, желающие возвысить себя в глазах «добропорядочных» граждан, и некоторые женщины, подсознательно оправдывающие свою вынуж-

жденную и часто никому не нужную преданность. Но если тебе угодно – да, это так.

Понимаешь, как-то ОНА мне сказала, что готова быть со мной, если я решу уйти из семьи. И я знал, что она говорит правду. Я не решился. Сейчас я могу привести десяток оправданий, но это все глупо и, наверное, малодушно. Выбор нужно было сделать, и я его сделал.

Было начало февраля, был ветер, было много снега, и был сильный мороз.

– Это тяжело, вот так расставаться?

Это была сложная смесь чувств. Скажу честно, в начале, я даже облегчение почувствовал, будто освободился от тяжелой ноши. Но это продолжалось не долго. Потом пришла черная гадкая изнуряющая тоска. Нити, связывающие нас, напряглись как высоковольтные провода, и я просто физически страдал, от того, что не мог с НЕЙ встречаться. Понимаешь, вот утром встаешь и с тоской думаешь, что придется что-то делать: ходить, разговаривать, общаться с сослуживцами, выполнять служебные обязанности, а сил на это нет. Это трудно выразить словами, можно только пережить самому. Это очень тяжело. Меня удерживал только мой упрямый характер – трудное решение мной было принято, и я, плача в душе, выполнял это решение.

– Долго ты так страдал?

Не знаю. Наверное, года два плакало мое сердце. Она была частью меня, разрыв прошел по живому. Такие раны долго не заживают.

– Ты не думал о смерти?

Ты имеешь в виду, не думал ли я о самоубийстве? Нет, не думал. Но вот ощущение того, что жизнь уходит, у меня было. Как бы это тебе объяснить. Люди ложатся в теплую ванну перерезают себе вены, а потом лежат и как бы изнутри наблюдают, как жизнь выходит из них. В начале нашего разрыва я ощущал нечто похожее.

Но все обошлось, и, ни одна моя часть не убила другую.

– Да. Кто бы сейчас беседовал.

Потом стало легче. Все проходит, ты же знаешь.

- Тебе не приходило в голову, что все можно было вернуть?

Конечно, приходило. Только вот дважды в одну и ту же реку зайти нельзя. Прошрое можно вспоминать, анализировать, но тащить его в настоящее может только не очень умный человек. Человека можно заменить воспоминанием, а вот заменять воспоминание «человеком из воспоминания» разрушительно для обоих. Вот послушай.

... годы прошли, и мы встретились снова,

слёзы скатились из глазок твоих.

Снова хочу я блаженства бывшего,

но не вернуть больше дней золотых.

Кончилось счастье, все было сном...⁹

Лучше и не скажешь.

- Как она отнеслась к тому, что ты расстался с ней?

Она страдала, очень страдала. Я это знаю точно. Она пыталась наладить наши отношения, но я ... я... в общем, мы больше не были близки.

- Что же дальше?

Да ничего. Живу. Вот с тобой беседуем.

- Что она?

Через некоторое время она уехала. Где сейчас - не знаю.

- Тебе это не интересно?

Если и интересно, то только с точки зрения понимания другой личности, ее характера, ее жизни, скажем с философской позиции.

- Ты ни разу не назвал имя этой женщины, почему?

Мне кажется, если я произнесу ее имя, то из моего рассказа исчезнет определенный смысл. Пусть она останется просто

⁹ Стихи В.Шумского.

женщиной. Женщиной, каких много, но которая была для меня когда-то единственной.

Почему снега до сих пор нет, господи? Я уже не могу это выносить! Будто идешь по нескончаемому коридору, выкрашенному в серый цвет, где справа и слева на стенах лишь вымазанные коричневой краской картины воспоминаний. Ни дождя, ни снега – ну хоть что-нибудь. Лишь экран компьютера, который все светится и светится. Пусть будет зима, по крайней мере, какая-то определенность, будет надежда, что придет весна и все закончится.

XVI.

Ох, как в детстве я ждал весну. Я ждал ее с февраля, ждал как чудо, как спасение. Уже в начале марта припекало солнышко. На сугробах с южной стороны оплавлялся, чернел и оседал снег. Сосульки вначале росли, а потом с грохотом падали с крыш. А солнце, солнце, как его мне не хватает, и как его было много тогда, в детстве. Солнце было везде, оно нагревало деревянную скамейку у нашего подъезда, и моя бабушка выходила посидеть, погреться в весенних лучах. На окнах плавилась замазка. К середине марта таяние снега становилось всеобщим. И о чудо, текли ручьи, и я надевал резиновые сапоги.

Я так любил пускать кораблики! Корабли были простыми щепками, спичками, коробками, но мне они представлялись огромными морскими судами, с мачтами, парусами и отчаянной командой во главе с пропахшим табаком, ромом и крутой соленой волной морским волком. Помнишь?

Капитан, обветренный как скалы,

Вышел в море, не дождавшись дня.

На прощанье поднимай бокалы

Золотого терпкого вина¹⁰.

Путь кораблей начинался в нашем дворе, от огромной снежной кучи, которую нагребали за зиму. Я шел за ними, перескаки-

¹⁰ Стихи П.Когана.

вая через лужи, веткой направляя их ход, если они попадали в водовороты или их прибывало к берегу. Вот уже и ворота нашего двора. Вытекающий на улицу ручей вливался в другой более бурный ручей, несущийся вдоль проезжей части. Я шел параллельно потоку, следя за моими корабликами, представляя себя капитаном в бушующем море и не замечая, что уже и в сапоги мои налилась вода. Возле дежурного гастронома (или «дежурки», как все его звали в городе) из подворотни вырывался еще один стремительный поток, усиливая и без того мощный напор весенних вод. Бурно и шумно поток врывался в вырытую канаву и мчался вдоль тротуара. Чтобы успеть за своими корабликами я уже бежал, шлепая сапогами по лужам, разбрызгивая грязную талую воду, к неудовольствию прохожих. Там, на углу поток становился столь мощным, что уже почти невозможно было что-либо увидеть в мутных пенных водах. Я останавливался. Мне представлялось, что там дальше в конце следующего квартала начинался огромный и таинственный океан. Я всегда останавливался на углу, всегда...

Бабушка ругала меня за мокрые ноги, а потом говорила: «Весна взялась дружно, лето будет жарким».

Пусть лето будет жарким...

Dixi et animam levavi¹¹.

...

2009, ноябрь-декабрь, Шадринск

Пирогов В.Ю. (с)

<http://asm.shadrinsk.net>

¹¹ Сделал и спас свою душу (лат).